

Только что
кончился спектакль,
во время которого
он показал залу два десятка
из той тысячи лиц,
пестрых, разных,
невероятных, смешных
и всем знакомых,
за которыми, как это,
вероятно, и должно быть
в искусстве,

СЕРЬЕЗНЫЙ РАЙКИН

почти не заметно
его неподдельное,
не играющее лицо.
Все маски сняты,
занавес опущен.
Перед нами
домашний Райкин,
усталый, спокойный,
слегка рассеянный
и временами ироничный —
едва-едва, в полтона.

* АНКЕТА «НЕДЕЛИ» * АНКЕТА «НЕДЕЛИ» *

«НЕДЕЛЯ». Аркадий Исакович, кто вы — оптимист или пессимист?

Аркадий Райкин (после паузы). Видите ли, я бросил бы свое дело, если бы был пессимистом. Пороки родились на заре человечества, и, к сожалению, многие из них существуют и ныне. Но для нас характерны не пороки, а борьба с ними; у нас недостатки нетерпимы.

«НЕДЕЛЯ». Какой юмор вы предпочитаете? Юмор положений, характеров?

А. Р. Оттенков юмора множество, и для каждого комического произведения характерен свой, специфичный. Но меня не занимают теории. Важно, чтобы юмор был. Если нет его, я это чувствую. Предпочитаю такой, когда зритель весь вечер смеется, а выйдя из зала, вдруг начинает понимать, что речь-то шла о вещах очень серьезных.

«НЕДЕЛЯ». Считается, что литератор находит свои персонажи среди окружающих, что композитор слышит звуки своей будущей симфонии в шуме леса, степи, моря или города. А вы, откуда вы берете своих «героев»?

А. Р. На мой взгляд, в искусстве вообще нельзя «придумывать из головы», если только речь не идет о плохой литературе. Подслушать, подсмотреть, подметить ту или иную черточку характера — это умение и есть профессиональное качество художника. А предмет наблюдений — вся жизнь. Вот, кстати, вы сейчас берете у меня интервью и тоже представляете собой объект моих наблюдений... (Нам становится не по себе. Райкин улыбается). Не подумайте, что художник, артист только и делает, что таращит глаза, наблюдая и запоминая. Все, что я вижу и слышу за день, десятки встреч, разговоров, даже самых незначительных, — все это непроизвольно откладывается в профессиональной памяти и непременно пригодится когда-нибудь, может, через год, а может, через пять лет. Причем «изобразить» на сцене Ивана Ивановича или Петра Петровича — дело несложное, не в нем искусство. Важно выпятить то основное, что особенно присуще данному персонажу; убрать все лишнее, оставить квинтэссенцию; сыграть минуту из жизни этого человека так, чтобы зритель после без особого труда мог представить следующие пятьдесят лет этой самой жизни.

«НЕДЕЛЯ». Сформулируйте, пожалуйста: когда, на ваш взгляд, эстрада становится серьезным искусством?

А. Р. Попробую. Пожалуй, формула такая: а) эстрада должна заниматься общественно значимыми, гражданскими проблемами и темами, б) она должна доставлять истинное и неподдельное эстетическое удовольствие.

«НЕДЕЛЯ». Что сделало вас тем Аркадием Райкиным, которого все мы сейчас знаем? Стремление бичевать дурное или же вполне понятное благое желание веселить людей, вселяя в них бодрость и оптимизм?

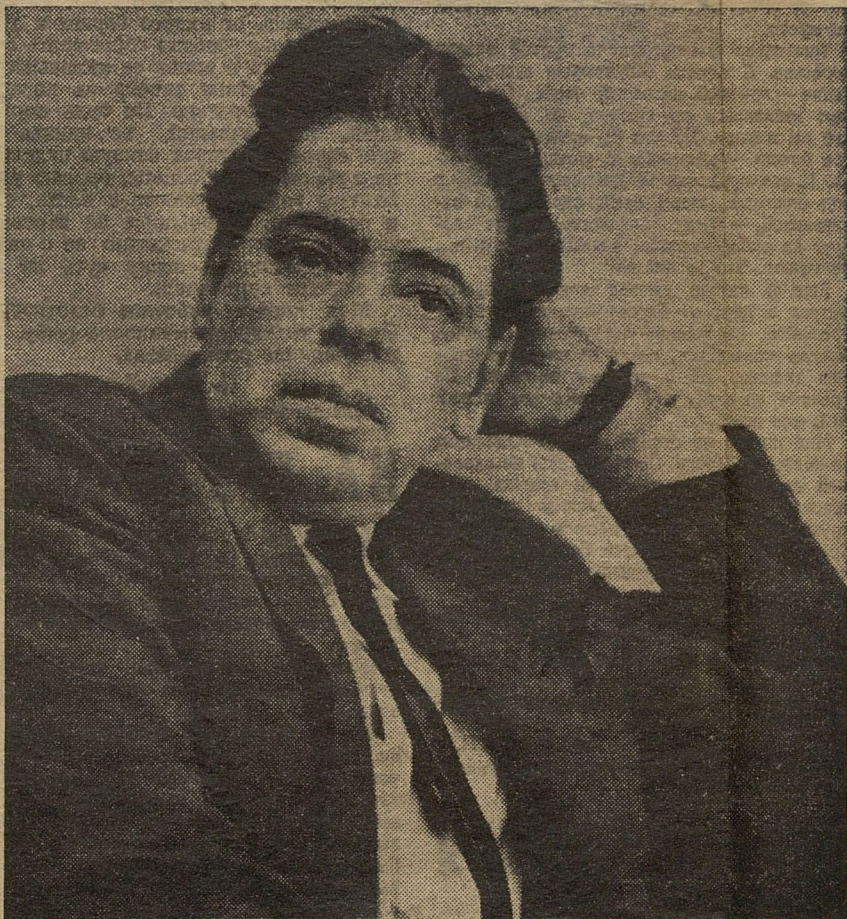
А. Р. Началось с того, что я, кажется, пяти лет от роду, впервые попал в театр и влюбился. Влюбился в него. И с тех пор не могу представить себя без театра. Сначала было желание быть на сцене, играть, представлять. Позднее я стал задумываться о пользе театра, о его роли в жизни общества. И сейчас думаю, что театр — великий учитель, замечательная школа, экспериментальная лаборатория человеческих отношений. А главное — он в определенном смысле и арена борьбы за гуманность.

«НЕДЕЛЯ». Кто ваш главный враг, против которого направлено все, что вы делаете на сцене?

А. Р. (решительно). Невежество.

«НЕДЕЛЯ». Кого вы считаете своим учителем или учителями? В конкретном, а также и в более общем смысле?

А. Р. Мне было чему учиться и в Малом, и у Мейерхольда, и в Камерном, и в МХАТе. Я никогда не был связан с театром имени Вахтангова, но работа Мансуровой, Рубена Симонова, особенно Щукина — это ли не школа? Ленинградец Певцов, москвичи Ильинский, Штраух, Глизер... А Утесов? Нынешнее поколение знает его лишь как певца. Я же помню Леонида Осиповича синтетическим актером, который чудесно читал со сцены расска-

зы Бабеля и с не меньшим успехом играл Раскольников в «Преступлении и наказании»!.. Моим педагогом был профессор Ленинградского ГИТИСа Владимир Николаевич Соловьев. При Эрмитаже в те времена существовал очень своеобразный историко-музыкальный театр, в котором можно было увидеть спектакли XVI века, послушать лютию или клавесин. Однажды там поставили оперу Перголези «Служанка-госпожа». В ней три персонажа, один из них без слов, мим, каковым Соловьев сделал меня. Это и была моя первая роль в театре.

«НЕДЕЛЯ». Жанр вашего искусства в его чистом виде рожден вами или существовал раньше?

А. Р. Мой жанр? Мой жанр — разнообразие, если можно так выразиться. Судите сами: в нашем спектакле есть и монолог, и интермедия, и моноинтермедия, и конференс, и песенка, и трансформация, и пантомима... Все это самостоятельные жанры, у каждого из них своя родословная.

«НЕДЕЛЯ». Полагаетесь ли вы на вдохновение или же на то, что принято называть актерской техникой?

А. Р. Вдохновение не запланируешь. Только труд определяет качество работы актера. Если в миниатюру вложено этакое количество часов, это всегда сразу заметно. А вдохновение приходит, когда начинаешь общаться с публикой. Оно — как специи, которые делают вкуснее неплохое в общем-то блюдо. Но из одних лишь специй обеда не приготовить.

«НЕДЕЛЯ». Существует ли для вас «плохой», «трудный», «любимый» зритель? Выбираете ли вы кого-то в партере, кому адресуете свое искусство, или оно предназначается сразу всем?

А. Р. Самый лучший зритель для меня тот, кто затратил энергию и время, добывая билеты: значит, очень хочет быть на спектакле, именно на этом. Вот культпоход — хуже. Знаете, как это бывает: «Семен Семеныч, вы идете на Райкина? Мне, что ли, пойти?» И идет — за компанию.

Никаких одиночек в зале я не выбираю. Весь зал нужно воспринимать как одного человека. Причем для меня спектакль — доверительная беседа с другом. Только другу можно рассказать самое сокровенное. Если же хоть на мгновение

допустить, что в зале сидит неумный человек, — искусству конец: зритель моментально почувствует такое отношение. Некоторые актеры иногда говорят: «Зритель сегодня плохой». А это они, актеры, сегодня плохи, что-то не в порядке в их актерском инструменте. Вообще же я больше люблю дневные спектакли, когда люди в зале не устали.

«НЕДЕЛЯ». Нам известен в общих чертах процесс репетиций, принятый актерами обычного театра. Но как репетируете вы, которому в течение полтора часа приходится мгновенно переключаться с образа на образ?

А. Р. Репетировать все сразу невозможно. Каждая часть готовится отдельно. Сначала первая, затем вторая, затем первая и вторая подряд. Потом третья часть, и все три вместе. Четвертая и так далее. Так пианист по очереди доводит до кондиции каждый пассаж, постепенно соединяя их в концерт. На мой взгляд, эта работа требует большей техники, чем в драматическом театре. Ведь я мог бы любой свой персонаж играть в продолжение целого спектакля, три часа. А должен сыграть за минуту. И знаете, искусство миниатюры и для писателя сложно. Как-то Алексей Николаевич Толстой собрался написать для меня миниатюру. А через некоторое время пришел и сказал: «Знаешь, брат, миниатюры не вышло. Вышла пьеса».

«НЕДЕЛЯ». Жил или живет сейчас такой артист, к которому вы испытываете нечто вроде творческой зависти?

А. Р. Никому не завидую. Преклоняюсь — перед Чаплином. Есть и другие актеры, которые восхищают меня: Пол Скофилд, Николай Симонов, Владимир Честников, Иннокентий Смоктуновский — особенно в «Идиоте».

«НЕДЕЛЯ». Известно, что вы оказали поддержку многим самостоятельным сатирическим коллективам. За что вы их любите, за что критикуете?

А. Р. Я не ко всем к ним одинаково отношусь. Люблю мыслящую молодежь. А не люблю... как бы это точнее объяснить... Ну, вот пример. Однажды Олеся заказал в ресторане телячьи мозги. Отведав их, Юрий Карлович сказал официанту: «Эти мозги так свежи, что кажется, будто теленок ими ни разу не думал». Так вот, не люблю на сцене молодежь, не утруждающую себя раздумьями.

«НЕДЕЛЯ». Аркадий Исакович, как вы относитесь к рецензентам ваших спектаклей? Помогают они вам или, быть может, мешают?

А. Р. Конечно, было немало лестных для меня статей, и среди них встречались вещи, написанные с подлинным литературным блеском. И все же мне кажется, что никто из журналистов не относится серьезно к сверхзадаче нашего спектакля. Обращают внимание на актера, а не на то, о чем он говорит. (Горячо и взволнованно). А я все жду — может быть, напишут наконец: «Послушайте, ведь этот клоун, этот шут, паяц, лицедей говорит дельные вещи!» Я готовил однажды миниатюру, направленную против тех хозяйственников, которые стараются в конце года израсходовать на что угодно свои фонды, лишь бы получить такие же на будущий год. В процессе работы над миниатюрой мне довелось обстоятельно беседовать с министром финансов СССР; он объяснил всю подноготную подобных финансовых авралов и поддержал. Жаль, что никто из газетчиков не заметил практической деловитости этой сценки. Мне важнее любой хвалебной рецензии передовая статья «Ленинградской правды», которая, опираясь на одну из наших миниатюр, призвала предприятия города улучшить качество изделий, предназначенных для детей.

«НЕДЕЛЯ». Аркадий Исакович, какого рода литературу вы предпочитаете?

А. Р. Я люблю мемуары. Книга Сомерсета Моэма «Подводя итоги», полная воспоминаний, размышлений об искусстве и жизни, наблюдений, парадоксов, — одна из моих любимых. Таких у меня несколько. Знаете, как говорил Бабель: «Каждый интеллигентный человек должен как следует прочесть за свою жизнь 8—10 книг». «Каких именно?» — спрашивали его. «А вот чтобы узнать это, прочтите тысяч пятьдесят томов».

«НЕДЕЛЯ». Есть ли у вас своя «Болдинская осень», время года, вдохновляющее в работе?

А. Р. (несколько растерянно). Откровенно говоря, я не всегда замечаю время года. Бывает, выхожу на улицу — баюшки-баю, уже зима! А лучше работается всегда после отпуска.

«НЕДЕЛЯ». Простите вмешательство в личные сферы. Но могли бы вы назвать нам друзей, мнением которых о творчестве вы особенно дорожите?

А. Р. Прежде всего, мои первые друзья — зрительный зал. Его мнение мне дороже всего. А вообще сколько людей, столько мнений. Между нами говоря, я в глубине души подозреваю, что как у всех нас разные отпечатки пальцев, так же разные и сетчатка глаза, и ушные перепонки.

«НЕДЕЛЯ». Удается ли вам незаметно пройти по улице или проехать в городском транспорте? Как вы относитесь к своей популярности?

А. Р. Рассуждать об этом неудобно, нескромно. Но представляю, что вы живете словно под стеклянным колпаком на людной площади. Вы прошли мимо загона — назавтра слух: «Райкин женился». Сели в такси: «Райкин загулял». Сели в трамвай: «Нет денег на такси».

«НЕДЕЛЯ». Вы затрачиваете во время спектакля много физической энергии. С представителем какого вида спорта вы сравнили бы себя? Какой спорт вы любите?

А. Р. Можно ли пробежать марафонскую дистанцию без тренировок? Нелзя, умирать, как тот древний грек, первый марафонец... Зимой я люблю лыжи, летом велосипед.

«НЕДЕЛЯ». Что хотите вы сказать читателям в канун Первомая?

А. Р. Пожалуй, весна все-таки прекрасное время года. И лучший месяц — май. Весна — это новый цикл, новое состояние, молодость, цветение. А с точки зрения истории сорок девять лет нашей страны — самая весна и есть. Давайте же всегда сохранять это майское чувство.

Ан. МАКАРОВ,

Э. ЦЕРКОВЕР.

Фото С. Самуцевича